

2. Шимов, В. В. Цивилизационный подход в современном мире: локальные цивилизации и глобализация / В. В. Шимов // Новая экономика. – 2016. – № 2. – С. 213 – 218.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2006. – 571 с.
4. Авксентьев, В. Российская цивилизация: обретение идентичности / В. Авксентьев, Б. Аксюмов // Обозреватель. Observer. – 2014. – № 10 – С. 16 – 27.
5. Салтанович, И. П. Социокультурная среда как фактор формирования стратегий инновационного развития Республики Беларусь / И. П. Салтанович. – Минск : МГЛУ, 2017. – 92 с.

Поступила в редакцию 13.02.18

Д. В. Майборода

МАЙЕВТИКА И ПОЗНАНИЕ

В статье рассматриваются актуальность и основные характеристики майевтики, под которой понимается особая методология (сеть методов и методик) и искусство ведения диалога, базирующееся на философии, а не на теории некоторой речи. В ней выделяются роли ведущего диалог и главного собеседника; она требует ученого незнания для фундирования движущего начала, формы и цели диалога, а также для его направления на последующее познание и для самосовершенствования методологии. Она – индукция, подразумевающая рассмотрение проблемы с разных точек зрения и включающая гипотетико-дедуктивный метод, эленхос, по необходимости перерастающий в иронию. Подмечая противоречивость современного восприятия наследия Сократа, автор рассматривает две основные стратегии – «Забыть Сократа» и «Назад, к самому Сократу!» – и солидаризируется с последней.

Сомнение современного человека ярко выражается в его отстраненности от собственных традиций. Одни считают, что в наших традициях нет ничего ценного для существования сегодня, потому что его формы сильно изменились по сравнению с традиционными. Другие же подменяют основания традиций собственными идеями, считая, что это и значит придавать преданию современное звучание. И то, и другое делает нашу мысль не беспредпосылочной, но опирающейся лишь на самые простые предрассудки и случайные впечатления. Это придает нашему мышлению жизненность, но в то же время и примитивность, лишая его тех способов приближения к истине, что отличают более развитые формы опыта.

Сказанное в полной мере относится к сократической традиции, фундамирующей весь опыт западноевропейской философии и науки. Пока одни интеллектуалы считают сократический диалог седой стариной, вспоминать которую стоит только формально, другие полагают, что придают майевтике «современное звучание», сводя ее к искусству выигрывать в споре. Но искусство выигрывать в споре – эридика – отнюдь не современное изобретение, но античное, и это – отнюдь не метод Сократа, а софистическое искусство. Но и те, кто лишь *pro forma* вспоминают о сократическом методе,

говоря, что он значим лишь как исток европейской науки в виде точно установленных практически ориентированных знаний, также в действительности наследники отнюдь не Сократа, а тех же софистов, которые не только так же представляли собственные знания, но даже нередко высказывали мысли, весьма близкие тому, что утверждается и современными учеными.

Этот вопрос можно назвать «проблемой Алкивиада», поскольку именно в платоновском диалоге «Алкивиад I» он выявляется перед современным читателем острее всего. Наши наиболее общие представления о психике, знании, добродетели, политике и пр. – не что иное, как современная редакция идей софистов, которые Сократ опровергает. Так, Сократ спорит с представлением, что человек – это тело, или душа и тело вместе, утверждая, что человек – разумная душа, а тело – только его собственность. Или вот Сократ не согласен, что знание может приобретаться иным способом, как только через осознание своего незнания и последующее усердное учение у знатоков. Никакого неявного, интуитивного или врожденного знания, никакой индивидуальной рецепции общественного сознания; даже самостоятельное познание на основе чувственности остается под большим вопросом. Добродетель, как считает Сократ, – не врожденный дар, не наследие хорошего рода, не результат благоприятной среды или работы усердных воспитателей, но следствие разумной самоорганизации самого человека. Сократ опровергает и близкую современным представлениям идею, что справедливость – право сильного, утверждая, что ее следует, скорее, понимать как общее благо. Примеры сходства идей софистов и того, что мы называем современным знанием, не исчерпываются приведенными. И это ставит однозначный вопрос, не являемся ли мы в действительности стесняющимися это признать наследниками софистов, а отнюдь не Сократа?

«Проблема Алкивиада» имеет два возможных решения – «Забыть Сократа» и «Назад, к самому Сократу!». Наиболее радикально позиция «Забыть Сократа» проявлялась у Ф. Ницше и его последователей. Он считал Сократа искусителем, заразившим нашу культуру декадентством, для преодоления которого нам следует вернуться к досократикам, у коих можно найти «здоровые» основы мировоззрения. Большинство ницшеанцев согласятся, что рационализму, скептицизму и генерализму, восходящим к Сократу, следует противопоставить родственные досократикам представления, что мир лишь в малой мере рационален, сомнения бесполезны или даже опасны, а у каждого в каждой ситуации – своя истина и благо. Но «забыть Сократа» – это не только позиция ницшеанцев.

Более умеренная позиция «Забыть Сократа» – у позитивистов и марксистов. И те и другие берут из сократической мысли то, что вызывает неприятие ницшеанцев, но при этом особо интерпретируют принимаемое и исключают другие важные аспекты, все равно в общем возвращаясь к досократикам. Рационализм приемлем, но лишь как направляющий чувственное познание и практику. Скептицизм хорош, но только для предварительной проверки частных фактов и мнений, а не для пересмотра главных оснований современного знания. Обобщение удачно там, где оно подтверждает найденные

законы и декларированные принципы или ценности, но отнюдь не там, где оно создает возможности некоторых альтернативных метатеорий. И позитивисты, и марксисты против концентрации на самопознании, которое, по их мысли, должно быть подчинено познанию окружающего мира. Осуждая спекулятивность и идеализм, связываемые с сократической традицией, они призывают фактически наследовать в большей мере античную философию природы и инженерии, опираясь в большей мере на Аристотеля и ценя Сократа лишь как учителя его учителя.

«Назад, к самому Сократу!» – не значит, конечно, догматически установить все, что мы находим в диалогах Платона и Ксенофонта хотя бы потому, что многое там – результат не воспоминаний, но фантазии, пусть и не настолько бурной, как у Аристофана в его «Облаках». Сократизм значит также и не то, что следует найти те утверждения, которые наиболее вероятно могли быть высказаны Сократом, и основываться именно на них. «Вспомнить Сократа» – значит подвергнуть современные знания майевтической проверке с опорой на то, что обнаруживается наиболее продуктивным для этого как непосредственно в сократических диалогах, так и в сопутствующей этому античной культуре в целом и в наследующей сократическую традицию последующей философии. «Назад, к самому Сократу!» – этот лозунг следует понимать как возрождение майевтики как особой рабочей методологии познания (сети согласованных и осмысленных методов и методик) и как конкретной практики приближения к истинному знанию посредством диалога. И тут всего важнее уяснить, какие значения и в каком смысле следует рассматривать как наиболее существенные для последующего верного использования майевтики как методологии.

Основной смысл сократической майевтики – методически организованное и рефлексивное искусство ведения диалога, при котором выявляются и испытываются мнения собеседника для достижения лучшего знания. Сократ использует понятие *μαιευτική* ‘искусство повитухи (акушерки)’ для описания этого своего искусства, уточняя, что «принимает роды души, а не плоти» (Теэтет, 150b) [1, т. 2, с. 201]. Развивая метафору, он конкретизирует, что повитуха, будучи сама неплодна, часто, также исполняя роль свахи, распознает беременность, помогает родить или, если это необходимо, выкинуть, вызывая родовые муки или смягчая их зельями и заговорами. Сократ считает, что практически все эти значения относятся к его собственному искусству, но в особом смысле, а потому эту метафору следует раскрыть подробнее и для последующего использования данной методологии – конкретнее на основе анализа опыта его применения в описанных Платоном диалогах.

1. Сократовская майевтика – особое искусство (*τέχνη*), базирующееся на некотором познании (*ἐπιστήμη*). Сократ не описывает майевтику как определенный метод с некоторыми предписаниями, всякий раз «нащупывая» на практике все новые и новые ее приемы. Это не значит, что майевтика – только боговдохновенная практика, она рефлексивна и методически организована. Настоящий познавательный фундамент майевтики – не теория правильной речи, в том числе постановки вопросов или намеков, а тем более

использования частных средств типа иронии или эленхоса, а философия вообще. А поскольку философия включает в себя методологию познания, в том числе и диалогического, то она сегодня не исключает и некоторого учения о правильной методической организации майевтики с учетом современного состояния знания.

2. *Майевтика подразумевает выделение ролей* ведущего диалог (майевта), главного собеседника («беременного») и, в большинстве случаев, также зрителя или зрителей, наличие коих оказывает существенное влияние на способ организации диалога. Роли не являются равновесными и однозначно закрепленными. Роль майевта – вести, но это значит не то, что его суждения преобладают над высказываниями собеседника, но то, что он направляет эти высказывания в соответствии со своими навыками наведения на истину. Фокус внимания майевта может перемещаться с одного собеседника на другого, однако это не должно происходить часто, в противном случае диалог хаотизируется и приходит к безвыходной ситуации. Возможна и даже в ряде случаев желательна ситуативная инверсия ролей майевта и главного собеседника.

3. *Майевтика требует «ученого незнания».* Майевт по возможности отказывается от акцентуации собственных знаний (признает себя «неплодным»), чтобы как можно более полно сосредоточиться на выявлении высказываний собеседника. «Я знаю, что ничего не знаю (а другие не знают и этого)», – идея, имеющая более объемное значение и приписываемая не только Сократу, здесь выражает то, что впоследствии Н. Кузанский со ссылкой на сократическую традицию охарактеризует как «ученое незнание» простеца. В «Теэтете» Сократ утверждает: «От меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет» (Теэтет, 150d) [1, т. 2, с. 202]. В платоновской «Апологии» Сократ вообще утверждает, что никого ничему не учил (Апология, 33a) [1, т. 1, с. 87].

Правда, в описанных сократовских диалогах постоянно встречаются отступления Сократа от этого правила, что заставляет сомневаться, насколько серьезно сам Сократ относился к этому правилу (особенно к этим сомнениям склоняются те, кто видит майевтику дидактическим приемом или особой карнавализацией диалога). Но если все же рассматривать майевтику как способ организации диалога, сущностно направленный на истинное познание, то это правило важно, хоть и применять его следует с некоторыми ограничениями.

3.1. *Признание незнания как основа движущего начала диалога.* Майевтический диалог начинается с осознания своего невежества и предчувствия, что его можно преодолеть. Неудовлетворенность своим познанием выступает базовым импульсом поиска, задавая интуицию истины, уподобляемую «чутью охотника» или даже «нюху гончей». Эта интуиция истины и есть сократический «даймоний», рационально воспринимаемая внутренняя речь, в отличие от телесного «демона» – гласа желаний или аффектов. Это не значит, что следует полностью отказаться от всего, что майевт знает, – в этом случае он

попросту не сможет даже говорить. Майевтическая редукция означает, что майевт должен «заклЮчить в скобки» ту область своих ранее найденных высказываний, которая касается именно предмета диалога, причем это «заклЮчение в скобки» не означает полного их отбрасывания, но то, что они могут приниматься лишь по мере их совместного рассмотрения. Преодолевая человеческую естественную склонность воспринимать собственное мнение как наилучшее (то, что Ф. Бэкон удачно назовет «идолами пещеры»), майевт в результате диалога вполне может прийти к пониманию, что изначальная его точка зрения все же является более здравой, чем рассмотренные иные. Вне же майевтической эпохе диалог так или иначе обернется спором о ранее принятых позициях. Отметим также, что признание своего незнания – начало философии, принципиально противопоставляющее ее софистике или любой форме мудрости, предполагающей, что знание уже тем или иным образом получено.

Отдельно следует сказать о привилегированности позиции майевта в сравнении с позицией его собеседника, что оказывается дополнительным искушением объявить свое мнение истиной. Но привилегия – не истина. В диалоге «Лахес» еще относительно юного Сократа привлекают в качестве арбитра в споре, предполагая, что его знания и опыт ведения бесед более ценны для решения вопроса, чем мнения участвовавших в споре экспертов. Соблазн майевта в таком случае – не искать истину, а просто подкрепить своим авторитетом одно из мнений или предложить синтетическую позицию, устраивающую всех. Честность майевта – в том, чтобы честно признать свое незнание и начать совместно искать истину. Неравновесность ролей – результат соглашения, основанного на признании особых компетенций майевта, которые никогда не идеальны. Если майевт не справляется со своей ролью, то он теряет свой авторитет и статус. А важнейшей особенностью позиции майевта как раз и является «ученое незнание».

3.2. *Признание незнания как основа диалогической формы, подразумевающей концентрацию на Другом.* В ходе диалога склонность к сомнению постоянно грозит тем, что майевт начнет выдавать свои идеи за мнение собеседника. Судя по платоновским диалогам, принцип «не вкладывать своего ребенка в чужую утробу» постоянно нарушал и сам Сократ. Нередко это вело к тому, что он начинал фактически разговаривать сам с собой, тогда как роль собеседника ограничивается подтверждением его высказываний, причем собеседник этот часто терял не только понимание того, о чем говорится, но, кажется, даже заинтересованность в разговоре. По мере того, как диалог превращается в монолог, и сам рассуждающий начинает запутываться, теряя путеводную нить познания. «Майевтическая эпохе» позволяет оценивать мысли интерсубъективно, а не субъективно (как делает это каждый человек в отношении своих собственных мыслей), поскольку тут майевт концентрируется на анализе высказываний Другого.

Здесь интересно, что Сократ трактует известную гному «Познай себя», начертанную на стене дельфийского храма Аполлона, как призыв к познанию Другого. Он утверждает, что человек – душа, а «душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в [другую] душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души – мудрость» (Алкивиад 1, 133b) [1, т. 1, с. 262–263]. Чтобы познать все, познай себя; познать же себя можно лишь через постижение мысли Другого. Это – не просто наблюдение со стороны за тем, кто мыслит, дабы обогатить собственное мышление. И это – не лишь нахождение некоторого инварианта различных вариаций точек зрения (интерсубъективность Гуссерля), для этого вполне было бы достаточно воображения других или реестра распространенных точек зрения собеседников. Мысль Другого раскрывает для меня мое собственное мышление в процессе со-мыслия. Мышление всегда не только интенционально, но и коммуникативно. Сознание – не только «сознание о», но и «сознание с».

Более того, мое мышление раскрывает свою суть тем лучше, чем полнее я способствую раскрытию мыслей Другого. Если я просто отбрасываю все высказывания Другого как никчемные, то быстро окажусь в пустыне мысли поскольку буду вынужден на тех же основаниях отбросить и мои собственные высказывания. Другой своей мыслью «размыкает» мою точку зрения в поле новых возможностей осмысления, поскольку и я открываю ему позитивные возможности его мысли.

3.3. *Признание незнания как основа достижения знания.* Ученое незнание – не самоцель, а только прием для реализации настоящей цели – совместного достижения лучшего знания в диалоге. Неверно представлять идеал майевта как интервьюера, выявляющего мнение собеседника в максимально адекватной его первоначальному состоянию форме. Майевт ведет диалог, а это значит, что он все же постоянно артикулирует свои мнения, сопоставляя их с мыслями собеседника и тем создавая коллизии, способствующие совместному приращению знания. Но идеал майевта нельзя представлять и как учителя, делающего вид, что он не знает то, что он в реальности знает, чтобы заставить ученика найти это самому. Майевтика имеет свой дидактический аспект, но если он гипертрофирован до полного исключения исследовательской составляющей, то нет даже просто диалога, а есть только его театрализованное представление. Настоящий майевт ищет и находит, а не играет в поиск. Более адекватна для выражения сути майевтики аналогия со следователем, устанавливающим истину (действительное положение вещей) в результате перекрестного допроса свидетеля.

3.4. *Признание незнания как причина дальнейших диалогов.* Майевт признает и относительность всякой позиции, к которой можно прийти в результате конкретного диалога. Эта относительность и есть ограниченность знания. Ни один сократовский диалог не пришел к окончательному решению вопроса (да такой и не может быть достигнут), но почти всегда результат – декларация необходимости дальнейшего изучения вопроса. И вообще каждый диалог ведет к истине, но не приводит к ней. Хорошо проведенный

диалог приводит к лучшему знанию, чем то, что было ранее, но и это требует дальнейшего разыскания. Конкретный диалог – причина установления более общей позиции, чем позиция отдельных его участников, но эта индукция ограничена компетентностью участников и конкретикой их взаимодействия. Учет ограниченности выработанной в диалоге точки зрения не означает абстрактное ее размыкание в некоторое мыслимое поле возможных позиций. Ведь и без всякого диалога человек может представить себе множество вариаций своей точки зрения, найти их инвариант и считать именно его истиной. Этот путь не к истине, но к иллюзии истины. Диалог ведет к истине, а не иллюзии истины. Потому осознание ограниченности найденной в диалоге точки зрения – исток понимания, как следует обустроить новый диалог, который продвинется чуть дальше по пути к истине.

3.5. *Признание незнания как фактор совершенствования майевтики.* Майевт признает свою ограниченность в понимании майевтики, и как философ, а не софист, стремится к верному пониманию майевтики, а не обладает им. Постигать майевтику можно лишь тогда, когда сознаешь недостаточность ее познания. Неудачи и затруднения в ведении диалога – верные спутники Сократа, позволяющие ему совершенствоваться все больше. Одно из важнейших обязательств майевта – признание своей ограниченности в выполнении роли ведущего диалог, осознание недостаточности знаний и умений, обеспечивающих это ведение. Но, признавая это, майевт должен постоянно совершенствоваться как в знаниях, как верно вести диалог, так и в умении делать это.

4. *Майевтика – индукция* в двух смыслах: во-первых, как наведение вопросами собеседника на познание истины; во-вторых, как переход от частных высказываний к более общим. В диалогах Платона зачастую вызывает недоумение то, что Сократ, так отбрасывая различные высказывания и даже часто провозглашая необходимость постановки вопроса именно о сущности исследуемого предмета, продолжает и далее перебирать частные суждения. Учитывая особенности изображения сократовских диалогов Платоном (в сравнении с Ксенофонтом), можем предположить, что он просто слишком сконцентрирован на результате (идеях), недостаточно внимательно относясь к процессу, который был особенно важен для Сократа.

5. *Майевтика подразумевает рассмотрение проблемы с разных точек зрения*, и не только с тех, что просто обнаруживаются у собеседников в ходе диалога. Сократ постоянно обращается к теме взглядов богов на тот или иной вопрос, при этом в силу специфики древнегреческих религиозных представлений он рассматривает эти взгляды не как абсолютно истинные, которые нужно просто принять, а как ракурс, позволяющий преодолеть ограниченность человеческих мнений. Иной способ сделать это – апелляция к восприятию животных – менее удачен (поскольку способствует скорее сужению умозрения и его привязанности к телесности), но также тактически применим. Иногда Сократ также обращается и к обобщенной точке зрения общества, хоть это и не согласуется с тем недоверием, которое он провозглашает по отношению к мнению большинства.

Сократовская майевтика не устанавливает единую структуру точек зрения, как это происходит в более поздних формах диалектики, ориентированных на дебаты и подразумевающих обязательное выделение пропозиции и оппозиции с последующей идентификацией по отношению к ним всех прочих позиций как промежуточных. Это – результат не примитивности сократовской майевтики, а ее исследовательского характера, поскольку именно в поиске и сопоставлении позиций и состоит «работа диалога», а потому всякая попытка предрешить результат фальсифицирует диалог, уводя его от конкретики познания.

6. *Майевтика включает гипотетико-дедуктивный метод, эленхос, а также иронию.* Выявляемые мнения, когда их нельзя непосредственно проверить на фактах, берутся как гипотезы, из которых выделяются проверяемые следствия. Возможно также принимать в качестве гипотез откровенные фикции, если это способно прояснить определенные аспекты действительного знания. Сократовский «эленхос» (испытание, доказательство, опровержение) различным образом описывается, однако почти всегда связан с опровержением по принципу «один противный случай более значим, чем все подтверждения». Эленхос – элемент того, о чем Сократ говорит, что «самое же великое в нашем искусстве – то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» (Теэтет, 150b-c) [1, т.2, с. 201–202]. Поскольку почти всегда мысли собеседника оказываются рождающими именно ложные призраки, то гипотетико-дедуктивный метод и эленхос выливаются в иронию.

Знаменитая сократовская ирония – критика ложных мнений посредством выявления их внутренней противоречивости, а также противостояния их следствий фактам или здравому смыслу. Ирония как скрытая насмешка – продуктивный инструмент при наличии Третьего, способного эту насмешку распознать и воспринять в ее дидактической составляющей. Без Третьего ирония либо бесполезна, либо даже опасна, поскольку может не только разрушить диалог, но и даже вызвать преследования майевта со стороны разгневанного собеседника (в «Апологии» Сократ утверждает, что именно уязвленное самолюбие важных людей, незнание которых он выявлял, выступило подлинной причиной осуждения его на смерть). Лишь в случае, когда собеседник способен осознать свои ошибки и их исправить, ирония лицом к лицу допустима в форме пристыживания (например, «да ведь это – позор» (Алкивиад 1, 108 e) [1, т. 1, с. 227]) или сатирического катарсиса. Но даже в этом случае желательно, чтобы ирония опровергала мысли, уважая переживания.

Предложенное описание майевтики как методологии предварительно и должно быть дополнено характеристикой наиболее эффективных частных методик, форм и элементов (например, игровых элементов типа представления персонализированных законов, государств или истины, совершенного вопросителя или авторитетной аудитории; проблематизации, рационализации, сегментирования, удержания сути дела и уточнений обстоятельств,

верного согласия и установления решения). Однако выявление важнейших особенностей майевтики может послужить хорошим основанием для сократического ренессанса, необходимость которого тем настоятельнее стоит перед нами в качестве задачи, чем более философские основания наших знаний и ценностей оказываются лишенными действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Платон. Собр. соч.: в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1990–1994. – Т.1–4.

Поступила в редакцию 06.04.18

И. П. Салтанович

ЭКОНОМИКА ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК НОВАЯ СТАДИЯ КОММОДИФИКАЦИИ КУЛЬТУРЫ

В статье предпринята попытка исследования новой грани, новой краски процесса коммодификация культуры, при этом раскрывается и само понятие, практически не используемое в отечественном научном дискурсе. На смену экономике, приводимой в движение необходимостью, столь долго и продуктивно функционировавшей, создавая материальные блага для человечества, приходит «экономика желаний». Экономика, где ценность значения будет преобладать над материальной ценностью, в которой люди покупают не столько услуги, сколько впечатления или ощущения. Некоторые исследователи называют ее «экономикой впечатлений или образов», и автор попытался рассмотреть это новое в коммодификации явление.

Многочисленные парадоксы экономики заключаются в том, что экономическая статистика акцентирует внимание, прежде всего, на материальных ресурсах, на их важности и основополагаемости, и по-прежнему оставляет за собой трудность измерения творчества на основе культуры. Однако все большее число исследований демонстрирует ценность культурной составляющей в трансформации разработки продукта, услуг и процессов, а также бизнес-стратегии. В некоммерческом секторе знают ценность инвестиций в культуру для создания экономического процветания, социальной сплоченности и привлечения «креативного класса», особенно если говорить о региональном развитии.

Творчество, культурная составляющая часто имеют негативные коннотации для некоторых предприятий или инвесторов. Исследование, опубликованное Национальным фондом по науке, технологиям и искусству в Великобритании, показывает, что даже те владельцы капиталов, которые обладают здоровым чувством риска и понимают, что креативные индустрии обладают высоким потенциалом роста, лишь в небольшом количестве готовы инвестировать в эти отрасли. Только каждый пятый венчурный фонд предполагает инвестирование в сектор культурных индустрий [1]. Тем, кто